

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 81(470)+929Карасик
ББК 81(2Рос)зКарасикВ.И.

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

**ЯЗЫКОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
КРУГ, КЛЮЧ, МАТРИЦА:
О ЗНАЧЕНИИ ИДЕЙ В. И. КАРАСИКА
ДЛЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**LANGUAGE AND COMMUNICATIVE
RING, KEY, MATRIX:
ABOUT THE SIGNIFICANCE OF THE IDEAS
OF V. I. KARASIK FOR COMMUNICATIVE
LINGUISTICS**

Аннотация. В статье дан краткий обзор творчества профессора Владимира Ильича Карасика в честь его 60-летия с позиций коммуникативной лингвистики – теории коммуникации, дискурс-анализа, лингвистики текста, теории речевых жанров, теории коммуникативной тональности, теории лингвокультурных типажей, для которых работы ученого имели большое значение.

Ключевые слова: В. И. Карасик, коммуникативная лингвистика, дискурс, речевой жанр, коммуникативная тональность, лингвокультурный типаж.

Abstract. In the article a brief overview of creativity of Prof. Vladimir Ilyich Karasik has been given in honor of his 60th anniversary in terms of communicative linguistics – theory of communication, discourse analysis, text linguistics, theory of speech genres, theory of communicative tonality, linguocultural theory of character types, for which his works were of great importance.

Key words: V.I. Karasik, communicative linguistics, discourse, speech genre, communicative tonality, linguocultural character type.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Для творчества профессора Владимира Ильича Карасика характерен ярко выраженный интерес к коммуникативным феноменам, коммуникативным идеям. Его работы серьезно обогатили теорию коммуникации, дискурс-анализ, лингвистику текста, теорию речевых жанров. Эволюция коммуникативистских взглядов В. И. Карасика, насколько могу судить, представляет собой постепенный поворот от изучения **социолингвистических** аспектов коммуникации – отражения в языке социальных отношений людей, значимых для статусной и межличностной коммуникации, и инвентаря языковых единиц, используемых для установления соответствующих социальных отношений (докторская диссертация «*Лингвистические аспекты изучения социального статуса человека (на материале современного английского языка)*» [1] и написанная на ее основе монография «*Язык социального статуса*» [2], в значительной степени монография «*Языковой круг*» [3]), – к изучению **когнитивных** аспектов – зафиксированных в семантике слов и текстов ментальных проекций данных социальных отношений и процессов (моно-

графии «*Языковые ключи*» [4], «*Языковая кристаллизация смысла*» [5], «*Языковая матрица культуры*» [6]).

Следует отметить, что названия книг В. И. Карасика не только замечательно образны, но и очень показательны в плане отражения в них именно тех идей, о которых мы говорим.

Гумбольдтовское выражение *языковой круг* предполагает образ в сознании, т.е., говоря современным языком, когнитивные структуры; но это полностью касается и ментальных проекций коммуникативных феноменов – недаром приблизительно третья часть одной из наиболее удачных и известных книг Владимира Ильича «*Языковой круг*» посвящена непосредственно проблемам дискурса (подзаголовок книги, напомним, «*личность, концепты, дискурс*»).

По моим наблюдениям, в основе всей научной деятельности В. И. Карасика лежит никогда не затухающее, *страстное* стремление дать ответ на вопрос, выяснить, разгадать, что кроется за теми или иными языковыми и речевыми явлениями. Пожалуй, еще важнее (сообщает книгам и статьям

В. И. Карасика ни с чем не сравнимую прелесть) то, что в них это стремление распространяется на отношение к читателям – как к единомышленникам, которые, как и сам Владимир Ильич, ищут ответы, а единственная возможная помощь которым может состоять в нахождении – нет, даже не ответа, а **ключа** к будущему ответу, «ответной содержательной позиции», по выражению М. М. Бахтина, – этим коммуникативным пафосом проникнута, прежде всего, книга «**Языковые ключи**».

Не менее, конечно, замечательно (а в теоретическом плане более очевидно) сочетание в научных работах В. И. Карасика огромного интереса к лингвистическим проблемам, упомянутой *научной страстности* – со стремлением к созданию прочной **теоретической базы** для своих поисков и размышлений, что проявилось в разработке многочисленных, разнообразных теоретических и практических моделей осмысления и представления соответствующих феноменов, «тайников» языка и речи. В этой связи: не много найдется в современной лингвистической науке авторов, такое огромное количество действующих на практике моделей которых «ушли в народ», были востребованы в огромном количестве исследований последователей и учеников, начиная от социолингвистических моделей при исчислении различных аспектов «языка социального статуса» до новейших моделей – модусов общения, концептуализации норм поведения (благодарность, насмешка, социальное равенство, благополучие), которым посвящена значительная часть последней книги с в высокой степени символическим названием «**Языковая матрица культуры**».

Настоящая статья, конечно, не претендует на то, чтобы охватить в себе коммуникативистские идеи, высказанные В. И. Карасиком, – этими идеями, в прямом или опосредованном виде, повторяю, пронизано все творчество Владимира Ильича, и, если даже говорить только о по-настоящему концептуальных положениях, не только высказанных, но и глубоко проработанных, оснащенных детальными методологическими моделями, успешно и плодотворно используемыми последователями и учениками Владимира Ильича, – даже для изложения их одних потребовалась бы еще одна монография.

Мое изложение поэтому, с одной стороны, схематично, с другой – субъективно: буду обсуждать то, что наиболее поразило, обогатило, улучшило меня в моей научной работе. Для меня личность и тексты В. И. Карасика чрезвычайно значимы, начиная с 1994 г., когда дописывал кандидатскую

диссертацию (посвященную *коммуникации!*) и прочитал книгу «Язык социального статуса», очень сильно потом на эту диссертацию, в ее окончательном виде, повлиявшую (рукописный конспект из около 50 страниц до сих пор хранится среди моих тетрадей) и 1995-м, когда В.И. Карасик стал первым оппонентом на защите этой диссертации и я наконец-то познакомился с ним лично, – и до настоящего времени, когда я с точно таким же вниманием и наслаждением прочитываю все новые книги Владимира Ильича. (Только рукописных конспектов больше нет, и за это – отдельное спасибо Владимиру Ильичу: все свои новые книги, а часто и статьи он щедро раздает своим друзьям и коллегам не только в печатном, но и в электронном виде!)

Наше последовавшее многолетнее научное общение – и личное, и по переписке (живем в разных городах, а зарплаты нынешних научных работников не очень-то позволяют разъезжать по стране в свое удовольствие, – хотя чисто географически наши города, Волгоград и Саратов, предельно близки) – стало, с моей точки зрения, чем-то большим, чем то, что обычно называют несколько формально-равнодушным словом «*сотрудничество*», – стало настоящей **научной дружбой**, которая проявлялась во всегда заинтересованном и часто очень глубоко обсуждении научных и «самых что ни на есть жизненных» явлений, тенденций и первопричин. Результатом этого совместного творчества, «обкатывания» в общении стал, во-первых, ряд идей и концепций, вошедших затем в научные тексты В. И. Карасика и мои, – к числу таких отнесу, прежде всего, речежанровые идеи и представление о культурных и коммуникативных ценностях. Во-вторых, Владимир Ильич щедро делился со мной многими своими оригинальными идеями, которые впоследствии сильно повлияли на мои взгляды и обусловили написание статей – к числу таких отнесу коммуникативную тональность и типажи. В-третьих, возьму на себя смелость сказать, что из концепций, разрабатываемых мной, Владимиром Ильичом была принята и востребована концепция непрямого коммуникации и структуры фатического общения.

Начну с положений В. И. Карасика, **непосредственно посвященных коммуникации**.

Наиболее значительный вклад Владимира Ильича в **общую теорию дискурса**, на мой взгляд, состоит в разработке и систематизации **категорий дискурса**, которым посвящены многочисленные исследования в данной предметной области, но, как известно, еще далеко до завершающей теории, и

модусов дискурса, на основании которых строится типология.

В модели В. И. Карасика среди **категорий дискурса** выделяются конститутивные категории (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство), жанрово-стилистические категории (противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного, художественно-ориентированного и обиходно-ориентированного общения, амплификации / компрессии, категория проективности) и – главное – содержательные (семантико-прагматические, шире – аксиологические) категории дискурса, где важнейшей совершенно справедливо считается интерпретируемость (на этом основании В. И. Карасиком выделяются и исследуются более частные категории точности, ясности, глубины) [3 : 287–298; 7 : 185–196].

Интерпретативные **модусы вербального общения** (которые реализуют тоже содержательные категории) выделяются – в семиотическом плане – на основании того, какая образность используется в данном типе общения [5 : 36]. В книге «Языковая кристаллизация смысла» В. И. Карасик подробно рассматривает эмблематический, аллегорический, символический модусы.

Сюда же относятся **дискурсивные типологии** В. И. Карасика, где наиболее принципиальными представляются две : 1) противопоставление институционального и двух типов персонального (бытового и бытийного) дискурса; 2) выделение и изучение типов дискурса с социолингвистических и прагматических (а также семиотических, культурологических) позиций (педагогического, религиозного, научного, политического, медицинского); при этом особое внимание уделяется *юмористическому* дискурсу и – в его составе – жанру *анекдота* [3 : 299–363; 8], что, на мой взгляд, вполне закономерно.

Переходя к **жанроведческим идеям** Владимира Ильича, хочу напомнить, что уже писал соответствующий обзор для монографии «Теория речевых жанров» [9 : 66–71], который считаю уместным повторить здесь.

Почему волгоградское жанроведение стало частью волгоградской англистики, мы не беремся объяснить. Можно лишь констатировать факт : англистами являются все ведущие волгоградские лингвисты – В. И. Карасик, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал, которые на протяжении многих лет активно и плодотворно занимаются жанрами речи, а главное – под руководством которых было защищено большое количество качественных диссертационных исследований по РЖ. Думается, к числу признанных лидеров речеведческой школы в Волгограде можно уверенно отнести и тех уже вполне состоявшихся ученых, кто защитил докторскую диссертацию под руководством одного из названных трех мэтров и сейчас сам стал одним из ведущих специалистов по ТРЖ, руководит диссертаци-

онными исследованиями, – Г. Г. Слышкина, А. В. Олянич, С. В. Ионову, Е. В. Бобыреву (все они тоже являются англистами «по основному профилю»).

Автор настоящей монографии более 10 лет активно сотрудничает со всеми перечисленными жанроведами и, наверное, может утверждать, что именно их творчество во многом определяло многие важные черты в облике российского жанроведения на протяжении всей истории его развития, причем, что важно, – с разных сторон: В. И. Карасик изучает жанры речи с позиций социолингвистики, В. И. Шаховский – теории лингвистической эмотивности, Е. И. Шейгал – теории политического дискурса, Г. Г. Слышкин – лингвоконцептологии, А. В. Олянич – презентационной теории дискурса, Е. В. Бобырева – религиозного дискурса, С. В. Ионов – лингвоаппроксиматологии.

Ценность жанроведческого творчества Владимира Ильича Карасика определяется, на мой взгляд, пятью основными моментами.

Во-первых, серьезно обогатила жанроведение разработанная В. И. Карасиком типология разновидностей дискурса (прежде всего с социолингвистических позиций), в частности, выделение двух базовых социолингвистических разновидностей дискурса – институционального / ритуального и персонального дискурса, при этом целый ряд частных разновидностей институционального и персонального дискурса был детально исследован В. И. Карасиком в работах, специально посвященных конкретным типам дискурса (педагогическому, религиозному, научному, политическому, медицинскому [10–13]). Конечно, сама по себе такая модель, имеющая большое теоретическое значение, да еще так блестяще апробированная в целой серии качественных практических исследований, уже представляет достаточную ценность для ТРЖ. Однако этим далеко не исчерпывается жанроведческое значение творчества В. И. Карасика: выделив и описав названные разновидности дискурса, ученый выделяет в составе некоторых из них **ж а н р ы** данного вида дискурса (в частности, бытовой и бытийный диалог в составе общего персонального дискурса [3]) и тщательно анализирует их особенности.

Во-вторых, В. И. Карасик исследует разновидности дискурса с лингвокультурологических (прежде всего концептологических и ценностных) позиций, выявляет те концепты и ценности, которые соответствуют данному типу дискурса, отдельным его стратегиям и тактикам. Среди таких концептов выделяются значимые внутрижанровые ценности / антиценности (например, «здоровый смысл», «лояльность», «власть», «подлинность», «простота», «лень»), а также коммуникативные концепты, по сути представляющие собой когнитивные проекции ряда речевых жанров (например, концепты «вызов», «вражеский заговор») [3, 5, 6, 14, 15].

В-третьих, В. И. Карасик рассматривает речевые жанры в коммуникативном поведении выделяемых им лингвокультурных типажей – например, «русского интеллигента» (совместно с О. А. Дмит-

риевой) [16], «английского чудака» (совместно с Е. А. Ярмаховой) [17], «американского супермена» [6] и т.д.

В-четвертых, В. И. Карасик является одним из основателей теории коммуникативной тональности [5, 18].

В-пятых, В. И. Карасик сам является автором ряда тонких и детальных исследований по конкретным речевым жанрам, и прежде всего – жанру *анекдота* [8]: так, замечательно интересные отдельные исследования посвящены анекдотам английским, русским, этническим, абсурдным, анекдотам, содержащим эстетическую оценку [3].

Конечно, к непосредственно-коммуникативным следует отнести и работы В. И. Карасика по **коммуникативной тональности** – в известном смысле, это продолжение его жанроведческих идей, недаром в первых работах Владимира Ильича по тональности разные типы тональности рассматривались внутри определенных речевых жанров (как у Т. О. Багдасарян).

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [4 : 384] и разрабатывает модель выделения и описания типов тональности и отдельных ее компонентов: 1) одноплановость / многоплановость смыслов, 2) заданность / открытость смыслов, 3) серьезность / несерьезность общения, 4) кооперативность / конфликтность общения, 5) приоритет содержания / формы общения, 6) конкретность / отвлеченность тематики. На этих основаниях исследователь выделяет 12 типов тональности: информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, идеологическая, фасцинирующая, гипотетическая, агрессивная, эзотерическая, манипулятивная, менторская [4 : 386–387]. Отмечается, что список является открытым (так, в общении со мной Владимир Ильич согласился, что существует дополнительная «*циничная тональность*»).

Особый интерес здесь представляет **идеологическая** тональность, которая, на мой взгляд, может дать очень много для работ по русистике, в частности, при выявлении и изучении ориентиров, типов и жанров национально обусловленной *хорошей речи* – здесь понятие идеологической тональности смыкается с понятием *актуализатора*, введенным в лингвистический обиход К. Ф. Седовым.

По определению В. И. Карасика, *идеологическая тональность* – серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим [4 : 386]. Аспирантка В. И. Карасика О. А. Могилевская, написавшая диссертацию по

идеологической тональности, определяет ее как эмоционально-стилевой формат общения, который характеризуется по признакам интенциональности (установка на четкое противопоставление своих и чужих), интерпретативности (возможность единственной верной интерпретации), оценочности (положительная оценка своих и отрицательная оценка круга чужих), эмоциональности (высокая степень эмоциональности) [19 : 5]. До сих пор специальные исследования были посвящены только идеологической тональности в институциональном дискурсе – политическом, публицистическом. Идеологическая тональность в персональном дискурсе практически не исследовалась.

Представляется, что в русской языковой картине мира «*актуализатор*» / «*актуализаторство*» есть непосредственно-коммуникативное преломление идеологической коммуникативной тональности.

«*Актуализатор*» предлагался К. Ф. Седовым как один из типов в разрабатываемой им «вертикальной», или оценочной, типологии языковых личностей, на таком «простом» основании, как *установка на интересы собеседника в коммуникации* [20]. Термин «*актуализация*» К. Ф. Седов позаимствовал у американского психолога Э. Шострома, который называл актуализацией качество личности, противоположное манипуляторству. «*Кооперативно-актуализаторский* тип речевого поведения, по К. Ф. Седову, отражает высший уровень коммуникативной компетенции человека по способности к речевой кооперации. За «установкой на интересы собеседника в коммуникации» стоит общий принцип, которым руководствуется актуализатор: *стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами*.

По нашему мнению, роль идеологической тональности, закрепление ее за актуализаторским типом поведения, а значит, и представлением о «хорошей речи», коммуникативном идеале русской культуры (вполне логично, что именно *идеология* в коммуникации определяет коммуникативный *идеал*) обусловлены следующими факторами :

1) особой значимостью для русской языковой картины мира концептов *друг, искренность, отношения* [21–24];

2) более жесткой, чем в других культурах, оппозицией *официальности ~ неофициальности* и ее коммуникативным преломлением *персональности ~ имперсональности* [25];

3) общим оппозитивным характером русской традиционной культуры [26 : 341; 27 : 340–351; 28 : 137].

В результате идеологическая тональность получает в русской культуре в большей степени непосредственно-коммуникативное, а не институциональное преломление (ср. идеологическую тональность в политическом дискурсе, дискурсе СМИ), сосредоточиваясь, прежде всего, именно на комму-

никативных проявлениях названных концептов – друг, искренность, отношения.

Коммуникативная лингвистика, как известно, является частью лингвистики антропологической, а изучение в лингвистике (шире – гуманитарных науках) человеческой коммуникации – частью общего изучения «человеческого фактора» в языке и речи. В этом отношении очень показательно то, что проблема **языковой личности**, «человека говорящего» всегда оставалась приоритетной у В. И. Карасика. И здесь, конечно, особую ценность представляют тщательно разработанные им **модели**, начиная от «типов влиятельных личностей в русской культуре 1990-х» [3 : 14–15] до просто филигранного исчисления аспектов «модельной языковой личности», типологии лингвокультурных **типажей**.

Базовым для теории лингвокультурных типажей является понятие *модельной языковой личности* как наиболее репрезентативной в своем поведенческом и коммуникативно-речевом выражении. В сущности, «типаж» есть в очень высокой степени коммуникативное явление, а чрезвычайно значимый коммуникативный аспект типажа смыкается с особенностями типичной (для данного типажа) речевой компетенции, то есть владения набором жанров и использования их: «Человек в языке проявляется прежде всего через свое коммуникативное поведение, а именно: через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определенной лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определенных синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (жесты, мимика, избираемые дистанции в общении и др.). Систематическое описание этих особенностей коммуникативного поведения есть речевой портрет человека <...> Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд. <...> Помимо сугубо речевого портретирования для изучения типажей может оказаться полезным и их паравербальное портретирование (например, в среде интеллигенции не принята чрезмерная жестикация, табуируются плевки, ковыряние в носу и другие сопровождающие речь действия, не вызывающие протеста в иных группах)» [16 : 21–22].

Следует отметить, что сама идея типажа, новая для лингвистики (хотя логика, даже необходимость ее давно назрела – но выделить, «схватить» идею, превратив в полноценную научную концепцию, как это всегда бывает в науке, оказывается под силу только Ученому с большой буквы), является необыкновенно удачной: ей были посвящены уже две коллективные монографии [29, 30] и около десятка диссертаций, например, Т. В. Бондаренко («английский дворецкий»), Л. А. Васильевой («британский премьер-министр»), В. В. Деревянской («британ-

ский колониальный служащий»), О. А. Дмитриевой (лингвокультурные типажи России и Франции XIX века), А. Ю. Коровиной («английский сноб»), М. В. Мироненко («шутник»), И. А. Мурзиновой («британская королева»), Л. П. Селиверстовой («звезда Голливуда»), И. В. Щегловой («русский чиновник»), Е. А. Ярмаховой («английский чудак»). К настоящему времени в Волгоградском педагогическом университете под рук. В. И. Карасика описаны национальные типажи *русский интеллигент, английский аристократ, французский буржуа, английский рыцарь, русский дворянин, английский бизнесмен, американский супермен, американский ковбой, английский колониальный служащий, калмыцкий кочевник*, а также «типаж как характер» (*коллекционер*), «типаж как протест» (*шпана*), «типаж как диагноз» (*разгильдяй*) и т.д. [6, 16, 17, 29, 30].

Пожалуй, наибольшего уровня обобщения, научной абстрактности коммуникативные идеи В. И. Карасика достигли в разрабатываемой им совместно с Г. Г. Слышкиным системе **«постулатов коммуникации»**. Данные постулаты (а в них отразился общий во многом постулатный характер современной коммуникативной лингвистики, начиная с П. Грайса, Дж. Лича и др.), хотя как будто бы не содержат конкретных методологических указаний, *инструментария* (что, собственно, и отличает *постулаты* от *теорем*), с одной стороны, охватывают ряд настоящего фундаментальных свойств коммуникации, с другой – рисуют систематическую картину всей современной науки о коммуникации, ее наиболее актуальных направлений.

«Постулаты коммуникативной лингвистики» понимаются как «обобщение концепций, разработанных в различных областях науки о языке» [31 : 336] и включают едва ли не все основные теоретические положения современной коммуникативистики. Авторы настаивают на принципиальной незавершенности предлагаемого списка постулатов.

Особенно показательно, с моей точки зрения, то, что многие «постулаты» или их составляющие в данном списке суть *коммуникативные ценности*, хотя авторы и не выделяют самостоятельных постулатов, формулируемых как собственно коммуникативные ценности либо коммуникативный идеал. По-видимому, это отчасти может быть объяснено тем, что и для В. И. Карасика, и Г. Г. Слышкина (и, пожалуй, всей Волгоградской коммуникативистики) характерен некоторый уклон в сторону к о н ц е п т а : так, «первый» и «второй» постулаты из списка охватывают едва ли не все основные положения теории концептов (по крайней мере, в том виде, как она разрабатывается в Волгоградской концептологической школе). Есть здесь и утверждения, касающиеся *ценностей*, – но только как одного из компонентов концепта (хотя и важнейшего с точки зрения данной школы), без выделения в качестве отдельного постулата, например: «Мно-

жество осознаваемых и неосознаваемых ориентиров поведения, концентрированного опыта, прецедентных явлений лежит в основе любого коммуникативного действия. Культура задает стандарты поведения и определяет границы креативности индивидуума. Любой акт коммуникации есть подтверждение идентичности культурно-языкового сообщества» [31 : 333–334].

Перейдем к той части творчества Владимира Ильича, где коммуникативистские идеи представлены **не столь явно**, раскрываются в связи с чем-то другим, однако являются, на мой взгляд, несколько не менее значимыми и принципиальными как для разрабатываемых в данном случае «других» проблем, так и для теории дискурса, жанров речи и т.д.

И здесь, по моему убеждению, важнейшими являются **лингвокультурологические и концептологические** наработки В. И. Карасика. Значение их для науки очень велико: по мнению многих когнитивистов, с одной стороны, В. И. Карасик сделал едва ли не больше всех остальных когнитивистов, концептологов для разработки соответствующих научных дисциплин (рассуждая о таких материях, рядом с ним обычно ставят таких мэтров, как Дж. Лакофф, А. Вежбицкая), с другой – что сам Владимир Ильич является, прежде всего, концептологом.

О значении концептологического подхода для исследований по коммуникации в целом и месте здесь идей В. И. Карасика следует поэтом сказать подробнее.

Во-первых, данный подход, направленный на анализ ментальных и лингвоментальных, то есть ассоциированных с определенными языковыми единицами, структур, оперирует понятием **концепта** («концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [32 : 25]), который понимается в данном направлении (по крайней мере, в значительной части работ) как **лингвокультурный**, то есть имеющий выраженную национально-культурную и национально-языковую специфику.

Во-вторых, понимаемый как когнитивная структура, концепт соотносится с другими когнитивными структурами, роль и иерархия которых устанавливается: понятие, образ, символ, фрейм, норма, правило, категория, проекция, когниция, сценарий, скрипт, гештальт и т.д.

В-третьих, выделяются компоненты концепта, в том числе – чрезвычайно значимый (в названном лингвокультурном направлении концептологического подхода, на который мы преимущественно ориентируемся, – главный) **ценностный** компонент, наряду с образно-перцептивным и понятийным.

Наконец, в-четвертых, ценностно-концептологический подход (особенно его лингвокультурное

направление) имеет подчеркнuto **дискурсивный** характер. Данный подход активно и успешно применяется в исследованиях речи, текстов, относящихся к разным сферам, коммуникации в рамках разных жанров. Соответственно выделяются особые – **дискурсивные концепты**, организующие дискурсивные знания и умения и непосредственно пересекающиеся с понятиями коммуникативной нормы, коммуникативной категории / категории дискурса, коммуникативного / речевого жанра – и ценностные компоненты таких концептов. Сюда относятся а) повседневные и художественные концепты, определяющие лично-ориентированный дискурс, и б) различные институциональные концепты – политические, научные, деловые, дипломатические, спортивные и др., определяющие институциональный дискурс в той или иной его разновидности [32 : 24–37].

Чрезвычайно важно то, что концептология и лингвоконцептология – особенно в преломлении Волгоградской школы – неразрывно связаны с коммуникативистикой, а в составе последней – с теорией речевых жанров, где начиная с работ М. М. Бахтина 20-х годов было принято «понима(ть) жанр не в формалистическом смысле, а как зону и поле ценностного (выделено мною. – В. Д.) восприятия и изображения мира» [9 : 471]. Термин-понятие *речевой жанр* соотносится с термином-понятием **коммуникативный концепт**, то есть концепт, имеющий четкое композиционно-тематическое-стилистическое содержание. Зафиксированные в языке имена данных концептов являются именами или непосредственно речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

Конечно, данный подход (его составляют многие сотни работ, пересказать даже основные положения которых здесь нет никакой возможности) комментируется мною предельно схематично, только с коммуникативной точки зрения. И в этом отношении хочу подчеркнуть, что концепты реконструируются представителями Волгоградской когнитивной школы под рук. В. И. Карасика не только и не столько с целью прояснения их лексикологических или этимологических аспектов (хотя и это тоже важно), сколько с точки зрения того, как они организуют представления о коммуникации – то есть при исследовании предпочтение отдается **коммуникативным и ценностно-коммуникативным концептам**. Данные коммуникативные концепты в описании Владимира Ильича и его школы часто предстают как **коммуникативные сценарии** (которые, естественно, тоже имеют характер ментальных проекций, моделей, во многих отношениях ценностных). Главное же, по моему убеждению, значение данных концептологических и когнитивных идей для теории коммуникации со-

стоит в формировании представления о культурных и коммуникативных **ценностях** (тех же, о которых уже шла речь в части о «постулатах»).

«Сценарии культуры» активно и успешно изучаются в рамках **Волгоградского направления концептологического анализа**. Как и москвичи, волгоградцы идут от *концепта*, при этом тоже выделяют более общие, чем конкретный концепт, понятия, категории («*пунктуальность*», «*privacy*», «*приватность*» и т.д.). Следует отметить, что, поскольку сама методика Волгоградского направления концептологического анализа (в отличие от Московского) имеет подчеркнуто **ценностный** характер, выделяемые волгоградскими учеными «более общие понятия» (более общие, чем концепт, – но тем не менее идущие от концепта и имеющие сходную с ним природу и организацию) естественным образом ближе к *коммуникативным ценностям*.

В целом многолетняя деятельность коллектива Волгоградского направления концептологического анализа под руководством В. И. Карасика отмечена подчеркнутым и постоянным вниманием к **оценке**, ее отдельным механизмам, оценочной деятельности человека в целом. С 1990-х гг. при Волгоградском педагогическом университете существует научно-исследовательская лаборатория «*Аксиологическая лингвистика*», при активном участии которой вышел (и продолжает выходить) целый ряд изданий под общим названием «Аксиологическая лингвистика» (под ред. самого В. И. Карасика и его соратников и – позже – учеников (Н. А. Красавского, Е. И. Шейгал, О. А. Дмитриевой, Г. Г. Слышкина), многие из которых уже получили широкую и заслуженную известность как в России, так и за ее пределами (особ. отмечу две коллективные работы, хотя несколько не хочу умалять значения остальных: *Аксиологическая лингвистика : игровое и комическое в общении. Волгоград : Перемена, 2003* и *Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типы. Волгоград : Парадигма, 2005*).

Отличительной чертой большинства исследований в рамках данного направления является то, что исследуются в основном **не русские** концепты/категории («*privacy*» – английская, «*пунктуальность*» – немецкая), русские же привлекаются обычно лишь для сопоставления, при этом не всегда определяются и называются удачно (ср. непривычно и, пожалуй, неестественно звучащее по-русски слово «*приватность*»). В целом, конечно же, **сравнение** необходимо при изучении таких культурно обусловленных феноменов, как коммуникативные ценности. Как подчеркивала А. Вежицкая, в кросс-культурных исследованиях важно найти теоретическую модель, которая позволила бы «проскользнуть между Сциллой стереотипизации и Харибдой этноцентрической универсализации» [21 : 134].

Следует отметить отдельные лингвокоммуникативные исследования языковых и комму-

никативных феноменов, имеющих подчеркнутую аксиологическую значимость. Так, в парадигме общего внимания Владимира Ильича к языковой ситуации, особенностям коммуникации людей и – соответственно – языка в тоталитарную эпоху интересен анализ концепта *мероприятие*, ассоциирующегося «с бюрократической процедурой решения вопросов и присущими бюрократии бездушным отношением к людям, формальностью и бумаготворчеством» [33].

В. И. Карасик анализирует данный концепт на материале корпуса русского языка «Лексикограф» (автор – А. А. Бурькин) по признакам: 1) субъекты, 2) цели, 3) результаты, 4) однопорядковые с *мероприятиями* действия, конкретные разновидности *мероприятий*, 5) способ и манера проведения *мероприятия*, 6) атрибутивные характеристики, 7) оценка, 8) символизация, 9) метафорические или эвфемистические обозначения *мероприятий*. Отмечается, что идея *мероприятия* выражала ключевое мировоззренческое отношение советского человека к действительности – человек должен преобразовывать мир в соответствии с генеральной программой (планирование было важнейшим признаком советской цивилизации). Субъектами *мероприятия* являются люди, облеченные властью или функционирующие в рамках официальных государственных структур, т.е. *мероприятие* – это всегда институциональное, а не личное событие. Системные связи концепта *мероприятие* по вертикали и горизонтали с другими концептами сводятся к перифрастическому обозначению любого официального действия в рамках выполняемой функции или поставленной цели: *Во время купания детей или других мероприятий на воде осуществляется патрулирование спасательной лодки, снабженной спасательным кругом*. Показательно, что в Советском Союзе одной из форм критического протеста против государственной системы было ироническое отношение к *мероприятиям* как институциональным ритуалам.

В исследовании данного и других концептов проявилось тонкое видение, *чувствование* В. И. Карасиком русских национальных культурных и культурно-исторических оценочных феноменов, механизмов.

Внимательное, *любящее* отношение Владимира Ильича к языковому материалу, о котором мы уже говорили, часто позволяет увидеть «самое главное», нащупать «нерв» проблемы, очевидно актуальной, но неочевидно разрешимой. Часто это не что иное, как **внимание к Эпохе, Времени**: как по-настоящему честный исследователь, В. И. Карасик чутко откликается на перемены в обществе, а значит, и в языке. Так, возможность сравнивать две социальные, экономические, психологические, *лингвистические* реальности – советскую и постсоветскую – дана всем нам, кто застал и пере-

жил 1991 г. уже сложившейся личностью; но нужно быть Исследователем, чтобы увидеть здесь по-настоящему важное. На эту тему, как известно, высказывались многие десятки исследователей, как отечественных, так и зарубежных (и некоторые были, так сказать, «вполне себе с большой буквы»), – но именно Владимиру Ильичу здесь принадлежит ряд не только оригинальных, но и по-настоящему ценных наблюдений (например, о «коммуникативных нормах современной массовой культуры», в которой, в частности, В. И. Карасик обнаруживает возрастание роли эмблем).

Возрастание роли эмблем в современной культуре В. И. Карасик объясняет следующими причинами: демократизация всей повседневной жизни и сопутствующее ей давление массовой культуры, увеличение скорости жизни, информационный взрыв, компьютеризация учебы, работы и досуга, визуализация информации, превращение электронных массмедиа в коллективного агента институционального дискурса, глобализация культуры. Эмблема не требует обдумывания, она должна быть легко узнаваема. Массовая культура стремится к понижению рациональности, критичности, индивидуальности во всех человеческих проявлениях. Информационный взрыв неизбежно приводит к противопоставлению двух типов знания – ориентационного и фундаментального. Специфика ориентационного знания состоит в том, что оно по своей природе является отсылочным, нужно знать, к какой сфере относится то или иное явление, в то время как фундаментальное знание, независимо от степени его глубины, предполагает системное освоение объекта, понимание его природы и построение его модели. Ориентационное знание по своей сути является этикеточным, а эмблема оптимально соответствует этикетке. Закономерно возрастает значимость гипертекстуальных ссылок, которые являются примером операционального знания (практического, процедурного знания того, как следует осваивать мир), противопоставляемого концептуальному знанию (теоретическому знанию о том, как устроен мир) [5 : 42–43; 6 : 67–85].

Кстати, параграф в книге В. И. Карасика «Языковая кристаллизация смысла» [5] так и называется – «Концепт как индикатор эпохи (“сознательность” и “очковтирательство”)), а параграф в его новой книге «Языковая матрица культуры» [6] – «Концептуализация новых ценностных ориентиров (“проект”))».

Очень много такие рассуждения Владимира Ильича дают тем, кто собирается на их основе осуществить собственное **диахроническое** исследование. Мы уже говорили о тщательно разработанных им **моделях**, начиная от «типов влиятельных личностей в русской культуре 1990-х “Братан”, “Новый русский”, “Телевизионный ведущий”» [3] –

сегодня, стало быть, уже возможен (более того – просится!) диахронический взгляд.

Такое будущее диахроническое исследование предполагает и осуществленный В. И. Карасиком тогда же анализ фразы «А кому сейчас легко?», ставшей, по его мнению, в современной России «узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений» [3 : 39].

Я не поленился проверить представленность фразы «А кому сейчас легко?» в современной российской прессе с помощью поисково-информационной системы Integrum (дело было в начале 2009-го) и обнаружил, что первое упоминание данного выражения было в 1994 г.:

«Московская желтая страница» выйдет на русском языке тиражом 50 тысяч экземпляров, 40 тысяч из которых будут распространены по Москве бесплатно («Интерфакс»). А кому сейчас легко? (Коммерсантъ Власть. 08.03.1994).

Потом система выдала следующие цифры : 1995 – 2 раза; 1996 – 13; 1997 – 49; 1998 – 122; 1999 – 133; 2000 – 192; 2002 – 124; 2005 – 151; 2006 – 183; 2007 – 149; 2008 – 235. Интересно, что один раз это выражение сопровождалось оговоркой : **Как говорится в пивной рекламе, кому сейчас легко?** (АиФ Москва. 31.05.2000).

В этом смысле представляет большой интерес анализ **художественных** речевых феноменов, которым посвящен целый ряд работ В. И. Карасика, особенно в последние годы (их число все время растёт): по герменевтике художественного текста, лингвокультурной символике поэтического смысла (комментарии к стихотворениям Эдгара По, Роберта Луиса Стивенсона, Уолтера де ла Мэр, Роберта Блая, Владимира Бурича, Юнны Мориц, а также английской баллады «Королева Элинора», «Экклезиаста» и мн. др.), лингвосемиотике аллегорий (например, в пословицах). Следует подчеркнуть значимость именно диалогической составляющей данных текстов, их **коммуникативное** преломление в идеях В. И. Карасика: анализируются эстетические смыслы, которые передаются и принимаются в художественной коммуникации (ср. уже упоминавшееся внимание В. И. Карасика к юмористическому дискурсу).

В современной коммуникативной лингвистике идеи Владимира Ильича Карасика заслуженно широко распространены, высоко востребованы, более того – необходимы (хотя их огромный объяснительный потенциал во многом еще только предстоит раскрыть и внедрить: его, как часто бывает в науке, по-настоящему оценят только в будущем). Но уже сейчас почти все исследования по конкретным дис-

курсивным, речезанровым, коммуникативно-речевым явлениям, осуществляемые в отечественной (и не только) лингвистике, обязательно опираются на идеи и модели Владимира Ильича (это, без преувеличения, многие сотни работ, перечислить которые даже в первом приближении здесь нет никакой возможности). Конечно, это не случайно.

Главное значение идей В. И. Карасика для коммуникативной лингвистики, насколько могу судить, состоит в том, что он разработал аспектированную с разных сторон, но внутренне целостную когнитивную и семиотическую **базу** для осмысления и обработки коммуникативного материала. Эта база – ментальные проекции коммуникативных явлений, обуславливаемые, с одной стороны, когнитивными ментальными структурами (которые раскрываются и изучаются с привлечением соответствующей теории и методики), с другой – структурой коммуникативно-речевых явлений.

И здесь мы имеем полное право говорить о чрезвычайно масштабном и одновременно объективном отражении в творчестве В. И. Карасика всей многокрасочной картины современной коммуникативной и дискурсивной лингвистики – и огромном вкладе в дальнейшее развитие ее. Какими новыми идеями Владимир Ильич, 60-летие которого мы отпраздновали в мае этого года, обогатит, украсит эту картину в будущем – можно только гадать (все равно не угадаем!). В любом случае, занятие это радостное: все новые разработки Владимира Ильича, с одной стороны, очень нужны науке, с другой – похорошему неожиданны. Пожелаем юбиляру – и себе – еще много-много их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карасик В. И.* Лингвистические аспекты изучения социального статуса человека (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1993. 46 с.
2. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
4. *Карасик В. И.* Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
5. *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград : Парадигма, 2010. 421 с.
6. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. Волгоград : Парадигма, 2012. 448 с.
7. *Карасик В. И.* О категориях дискурса // Языковая личность : социолингвистический и эмотивный аспекты : сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград : Перемена, 1998. С. 185–196.
8. *Карасик В. И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 144–153.
9. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
10. *Карасик В. И.* Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Перемена, 1999. С. 3–17.
11. *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25–33.
12. *Карасик В. И.* Ритуальный дискурс // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 3. Саратов : Колледж, 2002. С. 157–171.
13. *Карасик В. И.* Рутинное и креативное общение : функции, типы, способы // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь С. Г. Тер-Минасовой. М. : Гнозис, 2008. С. 112–118.
14. *Карасик В. И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. тр. / под ред. В. Б. Кашкина. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. Вып. 5. С. 78–86.
15. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Перемена, 1996. С. 3–16.
16. *Карасик В. И., Дмитриева О. А.* Лингвокультурный типаж : к определению понятия // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 5–25.
17. *Карасик В. И., Ярмахова Е. А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак». М. : Гнозис, 2006. 240 с.
18. *Карасик В. И.* Коммуникативная тональность // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 81–94.
19. *Могилевская О. А.* Динамика идеологической тональности в российских и американских публицистических статьях : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 20 с.
20. *Седов К. Ф.* Дискурс как суггестия : Иррациональное воздействие в межличностном общении. М. : Лабиринт, 2011. 332 с.
21. *Вежебицка А.* Язык. Культура. Познание. М. : Языки русской культуры, 1996. 416 с.
22. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
23. *Урысон Е. В.* Словарная статья «ДРУГ 1, ТОВАРИЩ 1, ПРИЯТЕЛЬ» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. С. 297–299.
24. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
25. *Дементьев В. В.* Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Вып. 7. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 42–61.

26. Лотман М. Ю., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 338–380.

27. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью...» (К вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М. : Изд-во РГГУ, 1996. С. 340–351.

28. Bergmann J.R. Introduction : Morality in discourse // Research on language and social interaction. 31. Lawrence Erlbaum Association, Inc., 1998.

29. Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. 310 с.

30. Аксиологическая лингвистика : проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей : сб. науч. тр. / под ред. О. А. Дмитриевой. Волгоград : Парадигма, 2010. 406 с.

31. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Постулаты коммуникативной лингвистики // Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 333–338.

32. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика : проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей : сб. науч. тр. / под ред. О. А. Дмитриевой. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 44–51.

33. Карасик В. И. Концептуализация социального действия : «Мероприятие» // Политическая лингвистика. Вып. 3 (37). Екатеринбург, 2011. С. 32–38.

REFERENCES

1. Karasik V. I. *Lingvisticheskie aspekty izuchenija social'nogo statusa cheloveka (na materiale sovremenogo anglijskogo jazyka)*. [Linguistic aspects of the study of social status (based on the modern English language). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1993. 46 p.

2. Karasik V. I. *Jazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, 1992. 330 p.

3. Karasik V. I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. 476 p.

4. Karasik V. I. *Jazykovye kljuchi* [Linguistic clues]. Volgograd, 2007. 520 p.

5. Karasik V. I. *Jazykovaja kristallizacija smysla* [Language crystallization the point]. Volgograd, 2010. 421 p.

6. Karasik V. I. *Language matrix of culture* [Jazykovaja matrica kul'tury]. Volgograd, 2012. 448 p.

7. Karasik V. I. O kategorijah diskursa [About the categories of discourse]. *Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskij i jemotivnyj aspekty: sb. nauch. tr.* [Linguistic Personality: sociolinguistic and emotive aspects: collection of scientific works. Ed. V. I. Karasik]. Volgograd, 1998, pp. 185–196.

8. Karasik V. I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izuchenija [Anecdote as an object of linguistic study.]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 144–153.

9. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

10. Karasik V. I. *Harakteristiki pedagogicheskogo diskursa* [Characteristics of pedagogical discourse]. *Jazykovaja lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: sb. nauch. tr.* [Language personality: the aspects of linguistics and didactics: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 1999, pp. 3–17.

11. Karasik V. I. *Struktura institucional'nogo diskursa* [The structure of institutional discourse]. *Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: interuniversity collection of scientific works]. Iss. 1. Saratov, 2000, pp. 25–33.

12. Karasik V. I. *Ritual'nyj diskurs* [The ritual discourse]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 157–171.

13. Karasik V. I. *Rutinnoe i kreativnoe obshhenie: funkcionii, tipy, sposoby* [Routine and creative communication: functions, types, methods]. *Jazyk. Kul'tura. Obshhenie: sb. nauch. tr. v chest S. G. Ter-Minasovoy* [Language. Culture. Communication: collection of scientific works in honor of S. G. Ter-Minasova]. Moscow, 2008, pp. 112–118.

14. Karasik V. I. *Diskursivnaja personologija* [Discursive personology]. *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda: sb. nauch. tr.* [Language, communication and social environment: collection of scientific works. Ed. by V. B. Kashkin]. Iss. 5. Voronezh, 2007, pp. 78–86.

15. Karasik V. I. *Kul'turnye dominanty v jazyke* [Cultural dominants in language]. *Jazykovaja lichnost'. Kul'turnye koncepty: sb. nauch. tr.* [Language personality. Cultural concepts: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 1996, pp. 3–16.

16. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. *Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija* [Lingvocultural character type: to the definition of the concept]. *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: Linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 2005, pp. 5–25.

17. Karasik V. I., Jarmahova E. A. *Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak»* [Lingvocultural type «English eccentric»]. Moscow, 2006. 240 p.

18. Karasik V. I. *Kommunikativnaja tonal'nost'* [Communicative tonality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

19. Mogilevskaja O. A. *Dinamika ideologicheskij tonal'nosti v rossijskij i amerikanskij publicisticheskijh stat'jah* [The dynamics of the ideological tonality in the Russian and American journalistic articles: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2011. 20 p.

20. Sedov K. F. *Diskurs kak suggestija: Irracional'noe vozdejstvie v mezhluchnostnom obshhenii* [Discourse as a suggestion: Irrational impact in interpersonal communication]. Moscow, 2011. 332 p.

21. Wierzbicka A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p.

22. Zaliznjak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Ključevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira* [The key ideas of Russian language picture of the world]. Moscow, 2005. 544 p.

23. Uryson E.V. Slovarnaja stat'ja «DRUG 1, TOVARISHCH 1, PRIJATEL» [The dictionary entry «FRIEND 1, COMRADE 1, PAL»]. *Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New explanatory dictionary of synonyms Russian language]. Ed. by Yu. D. Apresian]. Moscow; Vienna, 2004, pp. 297–299.

24. Shmelev A. D. *Russkaja jazykovaja model' mira* [Russian language model of the world]. Moscow, 2002. 224 p.

25. Demytyev V.V. Ob odnoj ocenочноj sisteme v russkom jazyke [On one evaluation system in Russian]. *Problemy rechevoj kommunikacii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works]. Iss. 7. Saratov, 2007, pp. 42–61.

26. Lotman M. Ju., Uspenskij B. A. Rol' dual'nyh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do konca XVIII veka) [Role of the dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the XVIII century)]. *Uspenskij B. A. Izbrannye Trudy: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vol.]. Vol. 1. Moscow, 1994, pp. 338–380.

27. Plungjan V. A., Rahilina E. V. «S chisto russkoj akkuratnost'ju...» (K voprosu ob otrazhenii nekotoryh stereotipov v jazyke) [«With a purely Russian neat...» (On the question of the reflection of some of the stereotypes in language)]. *Moskovskij lingvističeskij žurnal* [Moscow Linguistic Journal]. Vol. 2. Moscow, 1996, pp. 340–351.

28. Bergmann J. R. Introduction: Morality in discourse. *Research on language and social interaction*. 31. Lawrence Erlbaum Association, Inc., 1998.

29. *Aksiologičeskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: Linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 2005. 310 p.

30. *Aksiologičeskaja lingvistika: problemy lingvokonceptologii i lingvokul'turnyh tipazhej: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: problems of linguoconceptology and linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by O. A. Dmitrieva]. Volgograd, 2010. 406 p.

31. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Postulaty kommunikativnoj lingvistiki [The postulates of communicative linguistics]. *Karasik V. I. Jazykovye ključy* [Linguistic clues]. Volgograd, 2007, pp. 333–338.

32. Karasik V. I. *Aevoljucija i involjucija konceptov* [The evolution and involution of concepts]. *Aksiologičeskaja lingvistika: problemy lingvokonceptologii i lingvokul'turnyh tipazhej: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: problems of linguoconceptology and linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by O. A. Dmitrieva]. Volgograd, 2007, pp. 44–51.

33. Karasik V. I. *Konceptualizacija social'nogo dejstvija: «Meroprijatie»* [The conceptualization of social action: «Event»]. *Političeskaja lingvistika* [Political Linguistics]. Iss. 3(37). Ekaterinburg, 2011, pp. 32–38.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике